

Всемирная история

Леонид ЛЯШЕНКО

ДЕКАБРИСТЫ И НАРОДНИКИ

СУДЬБЫ И ДРАМЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Леонид Михайлович Ляшенко
Декабристы и народники.
Судьбы и драмы русских
революционеров
Серия «Всемирная история (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57187993

Декабристы и народники. Судьбы и драмы русских революционеров:
ISBN 978-5-4484-8330-1

Аннотация

В книге Л.М. Ляшенко с позиций современной исторической науки прослежены судьбы движений декабристов и народников 1860-х – начала 1880-х гг. Эти представители радикальной мысли в России во многом заложили основы революционного движения в нашей стране и обусловили его характер. Непримируемая борьба правительства и радикалов раскрутила страшный маховик «белого» и «красного» террора, что во многом определило трагические события начала XX в. Помимо глав, в которых раскрываются и анализируются события в России с 1810 по 1880-е гг., присутствуют разделы, рассказывающие об отдельных персонажах радикального движения, выявляются черты их характера, психологии, показан путь каждого из

них «в революцию», что помогает лучше понять процессы, происходившие в общественном движении Российской империи.

Содержание

Введение	6
Часть I	12
Глава I	12
Россия на рубеже XVIII и XIX веков	12
Зарождение дворянской революционности	39
Эскизы к портретам	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Леонид Михайлович
Ляшенко**

**Декабристы и народники.
Судьбы и драмы русских
революционеров**

© Ляшенко Л.М., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Я хорошо понимаю, что читателю не очень нужно все это знать, но мне-то очень нужно рассказать ему об этом.

Жан-Жак Руссо

Как-то в разговоре с коллегами промелькнуло замечание, запомнившееся своей остротой и даже достойное, по-моему, считаться афоризмом: «Декабристы, народники, социал-демократы – это детство, отрочество и юность нашего общественного движения. Ну и что хорошего можно ждать от взрослого с такой наследственностью?» Речь, как вы понимаете, шла о российской интеллигенции, причем исключительно о радикальной ее части. Радикалы составляли, конечно же, не большинство этого слоя населения Российской империи, однако именно они явились наиболее политически активным, оппозиционно настроенным, а порою и неплохо организованным его отрядом. Иными словами, они действительно внесли в общественную жизнь страны некую пронзительную ноту, которая, то затихая, то усиливаясь, звучит в ней и по сей день.

Именно поэтому, как мне кажется, было бы небесполезно вновь обратиться к истории радикального движения в России, чтобы попытаться выяснить, насколько оно повлияло на судьбу страны и в чем с наибольшей силой сказалось его вли-

ание. Если более точно определить границы предстоящего разговора, то речь пойдет о декабристах и народниках, т. е. о 1810—1820-х и 1860 – начале 1880-х гг. Почему именно о них? Прежде всего потому, что их деятельность, характер оппозиционности власти, организационные и тактические приемы заметно повлияли на революционное (и общественное вообще) движение последующих десятилетий, придав ему отчетливое своеобразие и во многом, пусть лишь на сотню лет, определив судьбу страны. И в то же время они заметно отличались друг от друга, о чем, собственно говоря, и пойдет речь в книге.

На протяжении практически всего XIX в. главным деятелем общественно-политического движения в России оказалась интеллигенция. Так получилось, что при незаметности на политической арене третьего сословия, в силу своей недостаточной развитости не создавшего собственных сословных (тем более политических) организаций, именно интеллигенция и прежде всего ее радикальное крыло, во многом по воле случая, заняла место буржуазии, встав в оппозицию к трону и правительству. Это обстоятельство вынуждает нас внимательнее присмотреться к тому, что из себя представляла российская интеллигенция вообще, и радикалы-интеллигенты в частности.

Интеллигенция России ведет свою родословную с XVIII в., поскольку именно тогда зародились два ее потока, и мы можем вести речь уже не об отдельных чудаках и ориги-

налах, а об определенном слое населения. Во-первых, часть дворянства, окончательно освобожденная в 1785 г. «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II от обязательной государственной службы и вдохновленная идеями французского Просвещения, занялась литературой, журналистикой, философией, историей, политической экономией, то есть абсолютно интеллигентскими, или т. н. «свободными» профессиями. Отметим, что это был добровольный выбор того или иного члена первого сословия; он по своей воле переставал быть обычным представителем первого сословия и превращался в дворянского интеллигента.

Во-вторых, интеллигентами делались и разночинцы, а поскольку нам предстоит упоминать о них на протяжении значительной части книги, присмотримся внимательнее к обстоятельствам зарождения этого слоя населения империи. В государственных документах первое упоминание о нем относится ко временам царствования Петра I. Дело в том, что великий император, желавший, помимо многого прочего, дать государству четкую социальную структуру, никак не мог решить, к какой категории жителей отнести детей солдат, матросов и мелких дворцовых служащих. Именно для них и была создана новая социальная страта подданных монарха – разночинцы. До второй половины XVIII в. численность их оставалась настолько незначительной, что государственные документы почти не обращали на них внимания. Однако в годы правления Елизаветы Петровны (види-

мо, время пришло) последовал указ, повторявшийся затем примерно раз в пятнадцать лет, который во многом определил судьбу представителей интересующего нас слоя населения. Согласно ему, разночинец мог выбрать только одно из двух занятий: сделаться либо чиновником, либо интеллигентом (учителем, врачом, юристом, художником, актером и т. п.).

Иными словами, в отличие от дворянина, выбор профессии интеллигентом-разночинцем был не добровольным, а жестко продиктованным ему властью. Поскольку социальное и материальное положение человека интеллигентских занятий долгое время оставляло в России, мягко говоря, желать лучшего, то и благодарить власть разночинцу было не за что. Со временем дворянская в массе своей интеллигенция постепенно становилась дворянски-разночинной, а затем и вообще разночинно-дворянской. И дело здесь не только в социальном происхождении представителей данного слоя населения.

Благодаря именно разночинцу, психологическому складу его характера, мировоззрению и мироощущению, российский интеллигент сделался весьма своеобразной фигурой, заметно отличавшейся от своих европейских аналогов.

На Западе люди «свободных» профессий назывались интеллектуалами и оказались достаточно быстро и успешно вмонтированы в средний класс, в XIX в. только начинавший складываться в нашей стране. Интеллигенция же Рос-

сийской империи изначально была и оставалась одинока, если не ущербна, как в социальном, так и в культурном отношении. Не принадлежа ни к одному традиционному сословию России, то есть не являясь ни господами, ни их бесправными слугами, интеллигенция имела к тому же собственную культурную парадигму, не похожую ни на дворянские культурные образцы, ни на парадигму народных масс.

На первый взгляд, положение складывалось трагическое – что может быть хуже существования чужих среди своих? Однако интеллигенция нашла из этой печальной ситуации неожиданный и разом поднявший ее над остальными согражданами выход. Она сочла, что причина ее особости (а отнюдь не ущербности) заключается в том, что интеллигенция является единственным выразителем интересов *всех* словий страны, таким истинным и неповторимым носителем идей подлинного прогресса.

В результате российский интеллигент сделался не просто образованным человеком, представлявшим одну из «свободных» профессий. Он должен был обладать еще целым набором определенных нравственно-политических качеств. Обязательно являться радетелем за счастье простого народа, за социальную справедливость, быть в той или иной степени оппонентом власти и считать себя ответственным за все, происходившее в стране. В силу того, что никакой другой слой населения не подвергал существующий режим всеобъемлющей критике и не решался призывать к его смене, ин-

телигенции пришлось взять на себя не только *разработку* альтернативных планов, но и *претворение* этих планов в жизнь. Что из этого получилось? Оставим ответ на этот вопрос на не слишком далекое «потом».

Книга, которую вы держите в руках, отнюдь не претендует на окончательное решение всех поставленных выше вопросов. Такая цель вообще не должна существовать в науке, поскольку историкам свойственно говорить на одном языке, но на разных его диалектах, а потому вечно спорить по поводу приближения к исторической истине. Задача автора данной работы весьма скромна: попытаться показать сложность и неоднозначность движения российских радикалов, его находки и потери, сделав это как бы изнутри, опираясь не только на документы эпохи или работы исследователей, но и на взгляды, ощущения, оценки самих революционеров.

Из вышесказанного, думается, ясно, почему в предлагаемой вам книге событийные главы сменяются эскизами к портретам деятелей радикального лагеря. Эти эскизы не только дополняют материал глав, но и «очеловечивают» его, давая возможность читателю задуматься о судьбах людей, втянутых в ход непростых событий своей эпохи. Надеемся, что такое чередование материала поможет и разрешить некоторые из поднятых нами вопросов, и не скучать во время путешествия в интереснейшие десятилетия XIX в.

Часть I

Декабристы

«Мятеж не может кончиться удачей...»

Глава I

До восстания

Россия на рубеже XVIII и XIX веков

*Никакое правительство, с духом времени не
сообразное, против всемогущего его действия
устоять не может.*

М.М. Сперанский

Цитата, использованная нами в качестве эпиграфа, нуждается в некотором пояснении, поскольку понятие «дух времени», и так, по свойству всех гуманитарных понятий, неоднозначное, несло еще и разную смысловую нагрузку в те или иные периоды истории человечества. В конце XVIII – начале XIX в. определяющим для всех европейских (и не только европейских) стран явлением стало мощное влияние Вели-

кой французской революции. События во Франции потрясли многие европейские монархии, нарушили хитроумные планы политиков, перепугали ретроградов и, наоборот, воодушевили радикалов, привели к долгим кровопролитным войнам, что заставило европейцев дважды на протяжении короткого времени перекраивать карту своего континента.

Велико искушение дать той или иной эпохе жизни человечества короткое и точное определение, и с чего бы XIX столетию являться в данном случае исключением? Английский историк Эрик Хобсбаум предложил называть его веком революций, империй и капитала. Вроде емко и кратко, но вот беда – Россия никак не укладывается в рамки этой симпатичной формулы. И мощных революционных потрясений в XIX в. она не испытывала, и влияние капитала (то есть развитие капитализма) начинает ощущаться в ней как явление, определяющее жизнь страны, только с 1870-х гг., лишь имперский характер России XIX в. сомнений не вызывает. Что же из себя представляла наша страна на рубеже XVIII и XIX столетий, чем она была непохожа на своих западных соседей?

В те годы Российская империя была крупнейшей страной мира с территорией свыше 18 млн кв. км и населением около 40 млн человек. Ее международный престиж не подвергался сомнению, он успешно возрастал на протяжении последней трети XVIII в., и дело дошло до того, что Екатерина II всерьез подумывала об изгнании турок из Европы и восстано-

лении Византийского государства. Его корона предназначалась второму внуку императрицы вел. кн. Константину Павловичу. Однако исторический процесс не есть поступательное движение от хорошего к лучшему, на его пути случаются и заминки, и отступления.

Скажем, Павлу I, как бы ни оценивать его царствование, удалось разрушить многое из того, что было создано матерью и ее предшественниками и предшественницами на троне. Невнятная внешняя политика – заключение союзов то с Австрией и Англией против Наполеона, то – с Наполеоном против Австрии и Англии. Явственная, пусть не антидворянская, но политика, направленная на отмену важных для первого сословия привилегий (восстановление обязательной государственной службы для дворян, телесных наказаний для тех из них, кто совершил уголовные преступления, урезание прав дворянских собраний и т. п.). Самое же, быть может, главное заключалось в том, что Павел I вел себя не как просвещенный монарх, но как деспот древних, а потому вроде бы прошедших времен, что в первую очередь почувствовало на себе его ближайшее окружение.

Участь же деспотов всех времен и народов чревата гибелью в результате заговора недовольных придворных и родственников правителя. Судьба Павла I не стала исключением из правил. 11 марта 1801 г. император был убит в ходе последнего в России дворцового переворота, в котором принял участие и наследник престола, его старший сын Алек-

сандр (он, правда, настаивал лишь на отречении отца от трона и не помышлял о его убийстве). Смерть Павла I потрясла его старшего сына до глубины души. Однако дело не только в факте убийства императора, но и в том, что наследник впервые почувствовал, как хрупка и незащищена верховная власть, насколько она зависима от придворного и гвардейского окружения. После гибели Павла Александр Павлович невзлюбил Петербург и ощущал себя гораздо свободнее и спокойнее вне его, а лучше всего – за границей.

Для современников и исследователей Александр I навсегда остался тайной, загадкой, «северным Сфинксом». Шведский посланник Лагербельк писал афористично, но одновременно претендуя на некий анализ личности нового царя: «Александр в политике тонок, как игла, остер, как бритва, и фальшив, как пена морская». Наполеону Бонапарту он казался русским Тальма, то есть гениальным актером, блистающим на сцене, но не совсем естественным в жизни. Единомышленником в России – человеком, искренне отстаивающим дело реформ в стране, но всегда готовым отречься от выбранного им самим политического курса. Ревнителям старины монарх представлялся источником опасных идей и действий, но в то же время – единственной надеждой на сохранение порядка в государстве.

В подобной многоликости русского императора не было ничего удивительного. Александр с детства был вынужден скрывать свои истинные мысли и чувства, вращаясь в че-

тырехугольнике: Зимний дворец (бабушка Екатерина II) – Гатчина (отец Павел I) – воспитатель-наставник Ф. Лагарп – друзья молодости. Может быть, пытаться выяснить, каким был Александр на самом деле – занятие бесполезное, он и был таким – многоликим актером, актерство – каждый монарх в той или иной степени по необходимости, из-за того, что вынужден исполнять совершенно разные роли, лицедей – и являлось его настоящим «Я».

Лишь на занятиях с Лагарпом наследник позволял себе приоткрываться, видимо, поэтому последнему и удалось заронить в душу Александра сомнение в справедливости и практической ценности крепостничества и абсолютизма. Лагарп же позже обратил внимание молодого монарха на то, что готовых союзников реформ в России не существует, а значит, принципиальное значение приобретает просвещение общества, поскольку только образованная и проникшаяся духом времени молодежь может поддержать царя в его смелых начинаниях. Пожалуй, еще в разговорах и переписке с друзьями он чувствовал себя достаточно раскованно.

Однако до реальных перемен было еще далеко. Александру пришлось спешно разбираться с той путаницей во внешних и внутренних делах, которую ему оставил отец. Первые действия молодого монарха несомненно усилили тот единомышленный энтузиазм, с которым общество восприняло его воцарение. Александр импонировал людям своей молодостью, красотой, манерами, умением очаровывать собеседни-

ка. Помнили и о его разногласиях с Павлом I, приверженности памяти бабки, Екатерины II – все это внушало оптимизм тем, кому надоела непредсказуемость зигзагов павловского правления. Не будем забывать и о том, что начало каждого царствования постоянно вселяло в души россиян странные и чаще всего безосновательные надежды на перемены к лучшему.

Первые мероприятия Александра I носили совершенно естественный характер, а зачастую казались просто неотложными. Был отменен приказ Павла о походе казаков, которые на страх англичанам должны были вместе с французской пехотой совершить набег в Индию. Из тюрем и ссылок были возвращены все жертвы тайной экспедиции последних четырех лет (всего вернулось к своим обязанностям около 12 тысяч офицеров и чиновников, несправедливо репрессированных Павлом I). Отменены необъяснимые запреты на французскую моду и слова («гражданин», «республика» и т. п.). Конечно же, дворянству были возвращены все его права, дарованные Екатериной II.

Надо отметить, что в политической истории нашей страны XIX в. занимает особое место. Именно в это время начинаются наиболее острые столкновения между противниками и сторонниками перемен и реформ. «Первые, – отмечает очевидец событий начала нового столетия, – которых можно назвать правоверными... – сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые – ерети-

ки, защитники иноземных нравов и пионеры либеральных идей. Эти две партии находятся всегда в своего рода войне». Император Александр I принял активное участие в столкновении «правоверных» и «еретиков», он еще до своего воцарения говорил о необходимости отмены крепостного права и установления конституционного правления. Уже одно это свидетельствовало о необычности ситуации в стране и наступлении для нее новых времен. Борьба сторонников и противников перемен велась, конечно, внутри одного класса (дворянства), но это не означало ни того, что оно раскололось лишь на два лагеря, ни того, что на противостояние внутри этого класса не влияло недовольство существующим положением других слоев населения.

Вернемся, однако, к повседневной, политической, по своей сути, жизни императора. Для того чтобы выработать проекты реформ, Александр I собрал кружок «молодых друзей», получивший название Негласного комитета. В него вошли четыре человека, знакомых императору с юношеских лет и пользующихся его доверием настолько, насколько монарх вообще может доверять окружающим его людям. Комитет заседал с 1801 по 1803 г. и сыграл немаловажную роль в царствовании Александра I. Участниками его были граф П.А. Строганов, граф Н.Н. Новосильцев, князь А.А. Чарторыйский и граф В.П. Кочубей.

Перед четырьмя членами Негласного комитета сразу встали две задачи: явная и тайная, и каждая из них была весьма

сложной. Первая заключалась в обсуждении и выработке ряда реформ, в которых остро нуждалась страна. Решение этой задачи затруднялось яростным сопротивлением приверженцев старины, к которым относились и екатерининские вельможи, и гатчинские служаки Павла I, и просто масса косного поместного дворянства. Тайная же задача определялась тем, что «молодые друзья» (особенно Строганов и Чарторыйский) хорошо изучили особенности характера императора и боялись, что те помешают осуществлению замыслов Комитета. Поэтому Строганов попытался составить своеобразный заговор с целью поддержания реформаторского энтузиазма Александра I и борьбы с его нерешительностью. Цель этого заговора Строганов сформулировал следующим образом: «Так как из-за неопытности он (Александр Павлович. — Л.Л.) не имеет веры в себя, надо внушить ему эту веру и дать возможность узнать, с чего начать». Проще говоря, граф надеялся подчинить императора влиянию Негласного комитета, оградить его от давления ретроградов или, во всяком случае, максимально ослабить это давление.

Однако разговаривали «молодые друзья» гораздо смелее, нежели действовали, и винить их за это вряд ли разумно. Человек делает то, что позволяет ему его воспитание, образ мыслей, среда обитания (даже если он пытается противостоять этой среде). Речь же на заседаниях Комитета шла о вещах очень опасных: о необходимости постепенно отменить крепостное право и реорганизовать систему управления стра-

ной, то есть о вопросах, затрагивавших в России всех и каждого. Однако в Негласном комитете не было ни одного человека, который бы отчетливо представлял себе расстановку сил в обществе, количество в нем сторонников и противников реформ. Поэтому крепостное право и политический деспотизм осуждались ими, скорее, с этических позиций, что делает честь подобным взглядам, но далеко не всегда влечет за собой конкретные деяния.

Кстати, коли уж речь коснулась союзников «молодых друзей», то следует отметить, что Александр I твердо усвоил слова Лагарпа о том, что решительные преобразования подготавливаются прежде всего широким распространением просвещения. Поэтому император сделал многое для расширения сети учебных заведений в стране, иными словами, он, как мог, попытался вырастить армию просвещенных сторонников реформ. В 1804 г. появились новые школьные уставы, разрешавшие детям разных сословий переходить из училищ низшей ступени в училища ступени высшей. За годы правления Александра I открылись новые университеты – Казанский, Харьковский, Виленский, Дерптский, Петербургский, лицеи в Царском Селе, Нежине, Ярославле, наделенные правами высшего учебного заведения. Это было также время расцвета частных пансионатов, готовивших своих питомцев к поступлению в университеты.

Однако наиболее решительные проекты переустройства России связаны не с работой Негласного комитета, а с дея-

тельностью Михаила Михайловича Сперанского, о котором надо сказать несколько слов особо, тем более что его имя достаточно тесно связано с движением дворянских революционеров. Жизнь Сперанского напоминает излюбленный детьми и взрослыми сказочный сюжет о том, как крестьянский сын вдруг превращается в царевича. Царевичем Михаил Михайлович, правда, не стал, но, будучи сыном небогатого сельского священника, со временем сделался статс-секретарем императора России, кавалером многих отечественных и иностранных орденов, затем – ссыльным, а после – вновь одним из видных сановников империи и, наконец, графом. Превращения, согласитесь, достаточно сказочные.

С другой стороны, происшедшее с ним не приходится считать чем-то сверхъестественным, поскольку стремительное возвышение поповича обусловлено развитием событий в стране, тем самым духом времени, о котором упоминалось выше. Сперанский, безусловно, был человеком уникальной широты взглядов, энциклопедических знаний и выдающихся способностей. Однако, надо честно признать, что ему еще и повезло оказаться в нужное время в нужном месте. В начале XIX в., в соответствии с духом времени, и замыслами императора, Зимнему дворцу вдруг, сразу потребовались не просто грамотные, но талантливые чиновники; не слепые исполнители, но люди с идеями; не бездумные переписчики, но реформаторы.

Именно эта волна поднимает и выносит Сперанского к

самому подножию престола. «Дерзкий попович», при поддержке и по инициативе монарха, осмелился предложить проекты, грозившие перевернуть традиционную жизнь империи. Он решительно осуждал крепостное право, особенно в записке «Еще нечто о свободе и рабстве», а в 1809 г. предложил коренным образом изменить государственный строй России («Введение к Уложению государственных законов»). Это сочинение и стало основным пунктом обвинения против Михаила Михайловича, когда дело дошло до подобных обвинений.

Согласно его проекту, в России должен был восторжествовать основной принцип устройства современного государства – принцип разделения властей. Для этого учреждались три коллегиальных органа: Государственная дума (законодательная власть), опиравшаяся на развитую систему местного самоуправления; Сенат (власть судебная); министерства (исполнительная). Деятельность всех трех ветвей власти координировалась Государственным советом, по мысли Сперанского, он должен был впоследствии стать верхней палатой некоего представительного органа. Самодержец при этом сохранял значительную власть, но постепенно переставал быть абсолютным монархом. Законы утверждал император, но он делал это вместе с Думой; управление страной курировал он же, но министры были ответственны не перед ним, а перед Думой; в судебной области он лишь утверждал решения Сената. По справедливому замечанию современника собы-

тий, Сперанский пытался привить на российской почве те учреждения и порядки, которые выдвинули послереволюционную Францию в число законодательниц мод в Европе.

Как оказалось, Михаил Михайлович заглядывал на многие десятилетия вперед. Его реформы во многом предвосхитили не только реформы 1860—1870-х гг., но и вынужденную уступку обществу Николая II (Манифест 17 октября 1905 г.). Однако тогда эти мероприятия заметно запоздали, одни на 50, другие на 100 лет. Нет, недаром Наполеон, прекрасно разбиравшийся в людях, так высоко ценил Сперанского и, то ли шутя, то ли всерьез, предлагал Александру I: «Не угодно ли Вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?»

К 1811 г. Сперанский добился того, что своими проектами напугал и ретроградов, и все родовитое дворянство, и чиновничью массу. В итоге, силы противоборствующих сторон оказались неравны, особенно когда к числу недругов набравшего нешуточную силу статс-секретаря присоединился и сам Александр I, не нашедший нужным противостоять мнению двора и сановников. Говорят, он даже прослезился, прощаясь с талантливым помощником, горько сетовал в последнем разговоре с ним на людскую зависть и злобу. Как бы то ни было, 17 марта 1812 г. Сперанского обвинили в превышении служебных полномочий, а злые языки – еще и в тайных сношениях с Наполеоном (чему не было и нет никаких подтверждений) и отправили в ссылку.

Не решившись защитить статс-секретаря, Александр I, тем не менее, не оставил надежд на преобразование страны. В 1818 г. по его распоряжению создается Секретный комитет по крестьянскому делу, который подготовил проект освобождения крепостных. Как отреагировал на этот проект император, неизвестно, архивные документы хранят по данному поводу глухое молчание. Объяснить такое равнодушие Александра I к работе созданного им же самим органа можно или его страхом перед сопротивлением сплотившихся противников перемен, или тем, что его в это время больше занимала иная проблема.

В марте 1818 г. император выступил в Варшаве на открытии польского сейма (парламента). В своей речи он заявил о введении в Польше конституции и о том, что вслед за ней подобный документ получит и вся Российская империя. Слова Александра I не разошлись с делами. В канцелярии старого друга царя Н.Н. Новосильцева к 1820 г. был подготовлен документ, получивший название «Государственная уставная грамота Российской империи». Согласно «Грамоте», законодательная власть в стране по-прежнему принадлежала монарху, при котором учреждался двухпалатный совещательный орган. Исполнительная власть передавалась Государственному совету, состоявшему из Общего собрания и Комитета министров. «Грамота» не была конституцией в полном смысле этого слова, но могла стать ощутимым шагом на пути к ней.

Конституционные устремления Александра I не встретили в России одобрения ни справа, ни слева. Передовая часть дворянства была оскорблена тем, что Польша, давний недруг России, воевавшая в 1812 г. на стороне Наполеона, получила политическую свободу (пусть и в урезанном виде) раньше россиян. К тому же дворянский авангард во второй половине 1810-х гг. уже не слишком доверял свободолюбию императора, да и знал об Уставной грамоте лишь понаслышке (страна познакомилась с ней воочию только в 1830 г.). Реформы же, по природе своей, воспринимали в штыки даже слухи о политических или социально-экономических нововведениях.

Столкнувшись с упорным сопротивлением традиционалистов освобождению крестьян и ограничению власти монарха, оставленный передовым дворянством, которое теоретически могло бы стать его союзником, император испытал новый приступ страха перед возможностью заговора, очередного дворцового переворота. Все чаще ему на ум приходили мысли о судьбе отца, и Александр I даже подумывал о переносе столицы империи в Варшаву, поближе к Западной Европе. Его страхи еще более усилились, когда он позволил дезинформировать себя осведомителям, наблюдавшим за становлением декабристских организаций. В 1824 г. царь, опираясь на сведения, полученные из разных источников полицейского характера, писал: «Есть слухи... что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах есть по разным ме-

стам тайные общества или клубы, которые притом имеют секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, граф Гурьев, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб- и обер-офицеров...»

Положение складывалось угрожающее и, поверив в реальность существования столь сильной оппозиционной партии, разочаровавшись во всех начинаниях, исполнение которых Александр I считал своим историческим предназначением, он оставляет занятия реальной политикой. Монарх начинает вести странный для самодержца образ жизни. Он старался избегать людей, не являлся на официальные приемы, даже не принимал верительных грамот новых послов, «забывал» посещать протокольные празднества, много путешествовал по стране, вывозил на юг жену, больную туберкулезом. В новых заботах и разъездах заглохли последние отзвуки «дней александровых прекрасного начала».

Первую четверть XIX в. можно назвать временем неосуществленных надежд отечественных просветителей сверху. Все замыслы Зимнего дворца так и остались замыслами, а многочисленные проекты преобразований без всяких последствий постепенно превратились в архивные документы. В первые годы царствования Александр I, относившийся к крепостничеству и деспотизму с безразличностью истинного европейца, никак не мог отважиться на решительные дей-

ствия. После же Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов момент для начала преобразований был упущен. Россия, вышедшая победительницей в борьбе с Наполеоном, с революционной Францией, не ощущала нужды в кардинальных переменах своей жизни, они казались ей неуместными и странными.

Однако было бы неверным на этом основании не обращать внимания на попытки Зимнего дворца изменить социально-политические порядки в стране. Прежде всего важно понять, насколько верховная власть, все еще остававшаяся ведущей политической силой в стране, осознавала противоречия между российской действительностью и ходом мирового исторического развития. Кроме того, слухи о готовящихся преобразованиях постоянно будоражили общество, в первую очередь передовое дворянство. Упорно циркулировавшие по столице слухи вселяли в сторонников перемен ободряющие надежды на серьезность реформаторских задумок Зимнего дворца, побуждали составлять собственные проекты социально-экономических и политических преобразований страны.

Исчезновение надежд на верховную власть катастрофически ускорило с введением в России военных поселений – учреждения, ставшего своеобразным символом реакции. Самое странное заключалось в том, что Александра I привлекла к этой идее не только возможность постоянно иметь под рукой развернутую и в целом самоокупающуюся армию, но

и некая гуманная мечта. Император искренне верил, что если солдата посадить на землю с семьей, то он будет легче переносить тяготы армейской жизни. К тому же военные поселения, то есть расширение государственно-крестьянской системы, означали сокращение численности частновладельческих крестьян, давали возможность «нечувствительно» приступить к решению крепостнической проблемы. Идея, теоретически весьма заманчивая, на деле обернулась чрезвычайно мучительной для поселян утопией. Повторим хорошо знакомое: «добрыми намерениями вымощена дорога в ад».

Во главе военных поселений были поставлены генералы А.А. Аракчеев и И.О. Витт. О втором из них речь пойдет позже, а о графе Аракчееве стоит поговорить именно сейчас. В сознании многих поколений с этим именем связаны самые гнусные человеческие качества и не менее отвратительные поступки. Граф и впрямь немало потрудился для того, чтобы вторая половина царствования Александра I оценивалась историками как один из самых мрачных или, по крайней мере, тусклых, периодов в жизни России, однако записным злодеем он не был. В многочисленных исследованиях Аракчеев предстает таким злым гением императора, фактическим правителем государства в 1822–1825 гг., человеком, подтолкнувшим Александра I к мракобесию и реакции. Подобные утверждения явно преувеличивают влияние Аракчеева на царя.

Граф не мог быть ни наперсником, ни даже советником

монарха, да он никогда и не претендовал на эту роль. Аракчеев оставался лишь верным и не рассуждающим исполнителем воли Павла I и Александра I. Готов он был верой и правдой служить и Николаю I, но у последнего оказались свои любимцы. В гербе Аракчеева значится девиз: «Предан без лести». Если слова о лести вызывают обоснованные сомнения, то предан монарху Алексей Андреевич был безусловно. Совершенно неверно считать его, как это иногда делается, невежественным солдафоном, ведь он закончил Артиллерийский Шляхетский корпус в Петербурге, дававший серьезную подготовку, особенно в области точных наук, да и его библиотека в Грузино насчитывала более 10 тысяч томов. Не будем забывать, что при активном участии графа русская артиллерия в начале XIX в. выделилась в отдельный род войск и быстро вышла на одно из первых мест в Европе, что и доказала в битве при Бородино и других сражениях Отечественной войны 1812 г.

Умел Аракчеев грамотно и логично излагать свои мысли на бумаге, правда, обладал при этом странной особенностью мышления. Новые, иногда весьма радикальные идеи появлялись у него только по распоряжению императора. Так, в 1815 и 1818 гг. граф, по приказу Александра I, представил записки об изменении в государственном управлении и об освобождении крепостных крестьян. Его соображения оказались дельными и порой неожиданно смелыми, но они, как уже говорилось, никаких последствий не имели, если не счи-

тать того, что частично были использованы во время подготовки отмены крепостного права в 1861 г.

Вместе с тем граф Алексей Андреевич был беспощаден, честолюбив, любил грубую лесть и сам льстил не слишком тонко, распоряжения начальства были для него выше человеческого достоинства, а то и жизни. Он небезуспешно участвовал в придворных интригах и своих противников преследовал беспощадно, добиваясь их падения и удаления от двора. Однако иногда граф совершал поступки, вроде бы не свойственные людям его толка. После войны 1812 г., когда на армию хлынул поток наград, он отказался от орденов, предлагавшихся ему, мотивируя это тем, что не участвовал в боевых действиях. Аракчеев согласился принять лишь миниатюрный портрет императора на ленте для ношения на шее. Это была уже не боевая награда, а знак особого внимания монарха. С этим портретом Александра I граф не расставался до самой смерти.

Между тем с введением военных поселений колесо истории России, как казалось прогрессивному дворянству, повернулось вспять. В 1822 г. помещикам возвращено право ссылать крестьян без суда в Сибирь, продажа крепостных приняла невиданные ранее масштабы. Ответом на эти распоряжения и указы правительства стал взрыв возмущения крестьян и солдат, протестовавших против усиления своего бесправия. Недаром около половины крестьянских выступлений в первой четверти XIX в. приходится на девять лет –

1816–1824 гг.

Особенно опасными, с точки зрения властей, были бунты солдат (заметных беспорядков в армии в послевоенное время насчитывается более двадцати). Одно из крупнейших восстаний поселян произошло в Чугуеве – центре украинских военных поселений в 1819 г. (что называется, на глазах декабристов). Восставшие убили начальников, выбрали из своей среды руководителей, но ничего не сделали для организации серьезной обороны Чугуева, уповая на справедливость царя. Расправу с восставшими чинил сам Аракчеев: 52 человека получили 12 тысяч ударов шпицрутенами (гладкий лозовый прут, вершок в диаметре, сажень в длину), 25 из них умерли.

Самым известным выступлением солдат в этот период стала так называемая «Семеновская история». Все началось со смотра гвардейского корпуса в 1819 г. Александр I, недовольный выправкой Семеновского полка, издал приказ, в котором говорилось: «Семеновский полк прошел... не чисто, у многих взводов левые фланги были позади, надлежащей тишины в шеренгах не было, много колен... согнутых, ногу поднимали не ровно, носки были не вытянуты... офицеры не чисто шли и шпаги дурно и неровно держали...»

Следствием этого приказа явилась отставка старого командира полка генерала Потапова и замена его полковником Шварцем. По словам будущего декабриста А. Поджио, Шварц в своей деятельности опирался на циничные афо-

ризмы вел. кн. Константина Павловича: «Убей двух, оставь одного», «Плох тот солдат, который доживает свой срок двадцатипятилетний до отставки». Новый командир полка, недовольный учениями, мог поставить одну шеренгу лицом к другой и заставить солдат плевать в лицо друг другу. Он бил по щекам георгиевских кавалеров, вернул в полк палочную расправу и вскоре прославился погостом своего имени, где хоронили умерших от издевательств семеновцев.

Не выдержав новых порядков, первая рота Семеновского полка подала на Шварца жалобу начальству. В ответ ей приказали отправиться в крепость в полном составе, и солдаты, возмущившись несправедливостью командиров, подняли бунт. Они попытались самочинно расправиться со Шварцем, но тот благоразумно спрятался от разъяренных гвардейцев. Когда первую роту все же отправили в крепость, остальные солдаты полка тоже перестали повиноваться офицерам. Волнения грозили перекинуться и на другие гвардейские полки, «верхам» с большим трудом удалось справиться с ситуацией. После подавления бунта напуганное правительство разбросало офицеров полка по армейским частям, рядовых же отправили на Украину, на Кавказ и в Сибирь. Расправа с семеновцами не прекратила глухого, но постоянного брожения в гвардии, армии и военных поселениях, что имело заметное значение для движения декабристов.

Политические перипетии первой четверти XIX в. явились серьезным, но не единственным следствием «духа времени».

Не менее важно то, что в последней трети XVIII в. началось неуправляемое шествие капитализма по странам Европы и Америки. Уцелевшие после наполеоновских войн традиционные порядки вынуждены были (даже в странах – победительницах Наполеона) шаг за шагом отступать под натиском нового в экономике и социальных отношениях. В значительной степени это касалось и России, остававшейся в то время одним из главных оплотов старого строя.

Присоединение во второй половине XVIII в. черноземных земель на юге и юго-западе страны позволило ей в короткий срок стать житницей Европы. На переломе веков свыше 90 % подданных империи были крестьянами, бесправие которых достигло своего апогея. Указы Елизаветы Петровны и Екатерины II, предоставлявшие помещикам полные права над личностью крестьянина, завершили процесс превращения крепостничества в рабство нового времени. Заметим, что крестьянам, естественно, было запрещено жаловаться на своих господ.

После этого вряд ли стоит удивляться и постоянным волнениям крепостных (вспомним хотя бы казацко-крестьянское движение под предводительством Е. Пугачева), и неизбывным заботам правительства о мерах по удержанию крепостных в повиновении, и тому чувству стыда, которое испытывали за свою страну просвещенные люди России. На рубеже веков уже нельзя говорить о крестьянстве как единой и однородной массе. Во-первых, в правовом отношении оно

распадалось на несколько групп: от помещичьих крепостных до вольных однодворцев на юге страны и государственных – в центре и на севере (напомним, что Сибирь вообще не знала крепостного права). В имущественном отношении эти группы также значительно отличались одна от другой, поскольку вольные и государственные крестьяне жили свободнее (по крайней мере, экономически), чем частновладельческие.

Во-вторых, дифференциация крестьянских хозяйств зависела от занятия селян (барщина, отходничество, промыслы). Широкое распространение получает перевод помещиками части крестьян с барщины на оброк, развитие промыслов и отходничества. Уплата денежного оброка предоставляла крестьянам более широкий выбор хозяйственной деятельности, поощряла их предприимчивость и энергию. Ведь помещик, озабоченный только получением денег от крестьянина, совершенно не интересовался, каким способом его крепостной добывает эти деньги и сколько он их добывает. Недаром богатые владельцы мануфактур и купцы из крестьян, ставшие известными позже на всю Россию, оказались выходцами из оброчного Нечерноземья. Появились и целые промысловые села, жители которых числились крестьянами лишь номинально, добывая средства к существованию отнюдь не работой в поле (наиболее известные из таких сел: Палех, Жостово, Хохлома, Гжель).

В Черноземье ситуация сложилась несколько иная. Здесь помещик получал основные прибыли от продажи сельскохо-

зяйственной продукции, а потому стремился повысить личный доход с помощью расширения барской запашки за счет крестьянских наделов и увеличения барщинных дней. Именно в Черноземье появилась «месячина» – система, вообще лишавшая крестьян земли и заставлявшая их работать на помещичьем поле за еду и одежду. Подчеркнем наиболее важное для нас – «месячина», как и оброчные работы, символизировала распад самого традиционного способа производства, основанного на существовании собственного крестьянского земельного хозяйства. Парадоксы российской социально-экономической жизни: крестьяне – владельцы крупных капиталов, торговых и промышленных предприятий, наконец, крестьяне – владельцы (через подставных лиц) других крестьянских душ – все это начинает становиться обычным на просторах империи именно в конце XVIII – начале XIX в.

Не осталось в стороне от перемен и помещичье хозяйство. Дворянство всячески пыталось повысить доходность своих имений, усилить эксплуатацию крепостных, искало нетрадиционные пути для получения денег, столь необходимых в новые времена. В наиболее трудном положении оказались помещики черноземных губерний, поскольку они не могли до бесконечности выжимать соки из крестьян, так как это привело бы к разорению последних и лишило бы их хозяев какой бы то ни было прибыли. Иных же методов повышения доходов большинство владельцев имений не знало и не хотело знать, хотя им и пытались подсказать «сверху» нечто но-

вое. В 1810-х гг. в Москве продолжало действовать Экономическое общество, которое знакомило дворян с передовым отечественным и зарубежным опытом, издавало журнал, заводило опытные хозяйства. Однако масса помещиков шла по пути наименьшего сопротивления, предпочитая всевозможным новшествам знакомое увеличение барщинных дней и оброка.

Самой отвратительной чертой русского крепостничества было даже не злоупотребление помещиков своей властью, а юридическая неоформленность этой власти, то есть подчинение крестьян ничем не стесненному произволу дворянства. В таких условиях легко могли появиться не только салтычихи, что все-таки было достаточно редким явлением, но и возникнуть более прозаические, зато чаще повторявшиеся коллизии. Например, в 1850-х гг., ожидая отмены крепостного права и желая сократить количество крестьян, которым будут выделены земельные наделы, помещики перевели в разряд дворовых (не землепашцев) более 500 тысяч крепостных, и сделали это «по закону», точнее, воспользовавшись отсутствием оногo.

Эта же юридическая неопределенность положения явилась причиной того, что крестьянство считало любую власть чуждой и враждебной себе. Оно ей повиновалось частью из страха, частью по привычке, но признавало над собой главенство только общины. В качестве защитной реакции крестьянство разработало целую программу поведения с госпо-

дами. По словам Ю.Ф. Самарина, славянофила и экономиста: «Умный крестьянин, в присутствии господина, притворяется дураком, правдивый бессовестно лжет ему в глаза, честный обманывает его, и все трое называют его своим отцом».

Значительные изменения произошли и в жизни российских городов. Их население на протяжении XVIII в. выросло в четыре раза (правда, и после этого оно составило лишь 3 % всего населения страны). Бурный рост мануфактур, внутренней и внешней торговли увеличил спрос на рабочие руки и техническую интеллигенцию. Русская буржуазия конца XVIII – начала XIX в. мало напоминала свой европейский аналог. Издавна определенная прослойка людей была связана с торговлей и ремесленно-промышленной деятельностью. Иногда ее представителям удавалось создать значительные состояния, но они имели тенденцию к распылению, а не к росту, а потому кристаллизация собственно буржуазных взглядов и требований у владельцев крупных капиталов задерживалась.

Причиной такого положения дел были те социально-политические условия, в которых пребывали российские торговцы и промышленники. Государство (в лице монарха) было монополистом в важнейших областях промышленности и во всех отраслях коммерции. К тому же дворянство зорко охраняло свою монополию на владение заселенной крестьянами землей и крепостными. У русских предпринима-

телей, воспитывавшихся в условиях постоянного прессинга, долго отсутствовали традиции политической борьбы, чувство классового самосознания, сословная программа действий и т. п. Сокровенным желанием каждого российского буржуа являлось достижение дворянского звания, а идеалом – знаменитые Строгановы или Демидовы. Думается, понятно, что в дворянство буржуазию гнало не тщеславие и не жажда постов и наград, а голый расчет – страх перед возможностью остаться без необходимой для торгово-предпринимательской деятельности земли и рабочих рук.

Отметим, что и российский работный люд был далек от классического пролетариата. Вряд ли можно говорить о появлении в конце XVIII – начале XIX в. профессиональных рабочих, рабочих династий и прочее. Перепись населения показала, что в конце столетия вольнонаемные рабочие составляли около 2 % от общей массы работных людей. Единственное, что достаточно устоялось в мануфактурном деле на грани веков, – это нищета тружеников предприятий и их абсолютная социально-политическая незащищенность.

Таким образом, на рубеже XVIII и XIX вв. в России складывалось весьма симптоматическое противоречие. Дух времени, с особым нетерпением улавливаемый передовым дворянством, требовал перемен и в экономике, и в политике, и в социальных отношениях. Однако трон, слышавший эти требования, всегда шедший в России на полшага впереди общества (может быть, потому, что сверху виднее, а скорее, пото-

му, что самого общества, а значит, и общественного мнения в стране еще не сложилось), не решился произвести необходимые перемены, счел, что население империи к ним еще не готово. Правы были высокопоставленные реформаторы или нет, трудно сказать, но своим решением они уступили инициативу только еще нарождавшемуся общественному движению.

С последним дело обстояло тоже совсем не просто. Слабость буржуазии, зависимое от государства положение церкви, общая хилость городов и традиционная неорганизованность крестьянства выдвинули на первый план представителей просвещенного дворянства. Именно им предстояло сказать свое слово в деле реформирования традиционных порядков империи, приведения их в соответствие с многозначным и бескопромиссным духом времени. Как и какое слово будет сказано передовым дворянством, зависело от многих и многих обстоятельств.

Зарождение дворянской революционности

*Свободны не те, кто дожид до свободы, а те,
кто свободными стали.*

И. Губерман

Росту самосознания дворянства во многом способствова-

ли те громадные сдвиги, которые произошли в его правовом положении в последней трети XVIII в. Указы 1762 и 1785 гг. освободили первое сословие от обязательной государственной службы, телесных наказаний, предоставили ему начатки местного самоуправления. Иными словами, самодержавными правительствами были созданы формальные предпосылки для возникновения в России политически свободного сословия. Следует, однако, сказать, что Зимний дворец и дворянство совершенно по-разному понимали суть этих государственных распоряжений.

Правительства рассчитывали на сознательность первого сословия, т. е. пытались заменить принудительную службу дворянина его нравственной обязанностью трудиться на благо страны. Причем касалось это не только офицерства или представителей бюрократического племени. Те из членов первого сословия, кто выбирал для себя вольную жизнь в имениях, по замыслу Зимнего дворца могли отправляться в провинцию. При этом правительство надеялось, что они смягчат мрачные нравы российского «Пошехонья», донесут до самых «медвежьих углов» новое понимание отношений между помещиками и крестьянами, властью и обществом. Не будем идеализировать картину, делать из помещиков этиких культуртрегеров. Зимний дворец прекрасно понимал, что неслужащие дворяне станут в деревне прежде всего новым отрядом правительственных агентов, наблюдающих за настроениями крестьян, а также выполняющих полицейские

и фискальные (обеспечение сбора налогов) функции. Правительство действительно получило слой своеобразных «добровольных» чиновников, но ведь и надежды «верхов» на просветительскую миссию дворянства в деревне тоже со счетов не сбросишь.

На роль правительственных агентов в провинции первое сословие согласилось безропотно. Однако оно, по большей части, оказалось не готово выступить в роли просветителей народных масс и восприняло Манифест о вольности дворянской и Жалованную грамоту дворянству лишь как свободу от всех и всяческих обязанностей перед обществом и государством. При таких условиях появление Простаковых и Скотининых, как заметных общественных типов, вполне закономерно. Они и им подобные использовали послабления, сделанные правительством, для усиления личной власти над крестьянами, увеличения бесправия и нищеты основной части сельского населения. Однако подобный тип существовал всегда, в условиях же большей свободы дворянства он стал только заметнее, откровенно бросался в глаза. К сожалению, крупные перемены приводят не только к изменениям позитивным, не только открывают дорогу к прогрессу, но и поднимают массу мути и пены. К тому же далеко не простаковы и скотинины определяли, к счастью, лицо российского дворянства.

Дух времени и появившийся у дворянства досуг приобрили лучшую его часть к интеллектуальным занятиям, увле-

чению философией, политэкономией, историей, журналистикой, литературой. Зарождавшийся дворянский авангард очень быстро обнаружил стремление к просвещению, а значит – к выработке собственного мировоззрения. Немалую роль в этом сыграл интерес императрицы Екатерины II к европейским идеям, который она всячески старалась привить своему окружению, а отсюда эта мода расходилась волнами, захватывая сначала столичное, а затем и провинциальное дворянство.

Не стоит сбрасывать со счетов и уроков «переворотного» XVIII в., в котором многочисленные дворцовые перевороты дали дворянству понять, что долг перед сюзереном – вещь важная и нарушать присягу вроде бы грешно. Но, как оказалось, если монарха убирают, дабы осчастливить страну, вернуть на трон его законного владельца (а оправдания заговорщиков всегда звучали именно так), то в нарушении присяги нет ничего страшного и греховного. Тем самым был положен раскол в душах и умах дворянства, для которого царь и отечество переставали быть единым целым.

Участившиеся и укрепившиеся контакты с Западом, постоянное воздействие европейских идей на образованное общество, разрешение правительства заводить частные типографии, несомненно, способствовали взрослению передовой части первого сословия. Его развитие, упорная погоня за европейским опытом привели к возникновению в России общественных (покамест сугубо дворянских) группировок, от-

личавшихся друг от друга, прежде всего, нравственно-политическими пристрастиями. Не менее важно и то, что теперь острейшие вопросы русской жизни обсуждались не только в дворцовых покоях и тиши министерских кабинетов, но и в столичных салонах или провинциальных гостиных.

Тип дворянского революционера, будущего декабриста формировался в России в первой четверти XIX в. постепенно, хотя внешне этот процесс выглядит яростным взрывом оппозиционности. Декабристы имели своих предшественников, без существования которых трудно себе представить возникновение дворянской революционности или любого другого общественного течения. Среди этих предшественников нужно упомянуть не только о Н.И. Новикове и А.Н. Радищеве, обычно фигурирующих в исследованиях, но и о многих других представителях поколения «отцов» декабристов, испытавших на себе тяжесть духовного взросления российского дворянства. О тяжести этого взросления сказано совсем не для красного словца, ведь уже Петр I поставил перед первым сословием трудноразрешимые задачи.

Великий император требовал от представителей первого сословия невозможного, желая, чтобы оно одновременно было активным, энергичным, профессиональным и в то же время оставалось полностью покорным трону. Первое требование предполагало, что дворяне во главе с «птенцами гнезда Петрова» должны были превратиться в сознательных помощников монарха-реформатора, государственных деяте-

лей в полном смысле этого слова. Второе, вопреки первому, оставляло дворянство бесправными, хотя и привилегированными, подданными престола. Идея о выращивании инициативных рабов – любимая мечта монархов, однако мечта совершенно утопическая.

Единственным реальным ее следствием стала все углублявшаяся раздвоенность сознания первого сословия, которое на протяжении XVIII в. так и не смогло четко определить свое место в политической жизни страны. Оно временами проникалось чувством собственной значимости в ходе дворцовых переворотов или в годы правления Екатерины II, то впадало в мрачную апатию, уходя с головой в хозяйственные заботы или ворчливую оппозицию правительству, как это было в царствование Павла I. Так или иначе, мысль о политическом значении своего сословия, о более активном его участии в государственных делах, об ответственности перед обществом и народом упорно сверлила головы просвещенной части дворянства задолго до появления декабризма. Пика же раздвоенность сознания дворянства достигла к началу XIX в. Дело не только в том, что со времени петровских преобразований прошел достаточный срок, позволивший взвешенно оценить итоги начинаний царя-реформатора.

Главное заключалось в необычной насыщенности последней трети XVIII в. политическими событиями как в Европе, так и в России. Пугачевский бунт, большие и малые дворцовые перевороты, просвещенный абсолютизм Екатерины II,

упорные, но мучительные духовные поиски «отцов», противоречивые мероприятия Павла I, звучавшие явным диссонансом, либеральные посулы Александра I, оскорбительное господство крепостничества во всех сферах жизни страны – все это питало рост чувства собственного достоинства дворянства, способствовало превращению этого чувства в гражданственность, помогало ощущать себя необходимой для блага страны общественной силой. Идеи Вольтера, Монтескье, Руссо и других европейских мыслителей, Французская революция последней трети XVIII в., наполеоновская эпопея – усугубляли и без того осознававшееся «прогрессистами» несоответствие духа времени и российской действительности.

Они дали теоретическую основу для практического выражения недовольства передового дворянства, заставили его вести споры о целях и методах переустройства страны, поставили перед ним серьезные нравственно-политические проблемы. Среди этих проблем были и такие, над решением которых бился не только дворянский авангард России, но и многие мыслители Европы (и не только в конце XVIII – начале XIX в.). Их можно сформулировать следующим образом: могут ли революционные перевороты не просто способствовать необходимому социальному и политическому преобразованию общества, но и обойтись без крайностей «царства террора»; обязательно ли эти перевороты заканчиваются установлением диктатуры одного лица или группы лиц;

есть ли морально безупречные средства достижения целей революционеров, а если нет, то можно ли в данном случае пренебречь моралью? Действительно, опасения того, что их деятельность приведет к развязыванию гражданской розни, спровоцирует бессмысленный и кровавый крестьянский бунт; постоянные подозрения в бонапартистских замыслах Орлова, Пестеля, Трубецкого преследовали декабристов на протяжении всего периода их деятельности.

Эти опасения и подозрения то ускоряли процесс созревания и организации дворянских революционеров, то тормозили его. Вся их активная общественная жизнь прошла, можно сказать, между двумя полюсами: необходимостью и оправданностью революционных действий для достижения прогресса во всех областях жизни России и опасностью превращения благих намерений в свою противоположность. Окончательного решения этих действительно сложнейших проблем они не сумели найти даже в 1825 г., и кто знает, есть ли вообще удовлетворительное решение подобных проблем? Довершили процесс становления дворянской революционности Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии в 1813–1815 гг. Для истории общественной мысли в России победа над Наполеоном и вступление русских войск в Париж – события жизненной важности.

Они породили у солдат и офицеров сознание национального единства, самоощущение граждан великой европейской державы, признанной в этом качестве и другими наро-

дами. Более того, поскольку долгие годы войны с Наполеоном способствовали росту патриотического воодушевления, а вслед за тем – как результат причастности к единому делу – и ширящегося ощущения равенства всех сословий, в рядах молодого прогрессивного дворянства последовало неизбежное возникновение чувства собственной ответственности за хаос, убожество, нищету, грубость российской жизни. Эта моральная уязвленность, с одной стороны, и ободряющий пример европейской жизни, с другой, звали молодых дворян к решительным действиям, заставляя их пересматривать многие устоявшиеся представления дедов и отцов о сути термина «великая держава».

Именно в эти годы происходит решающее уточнение понятий долга гражданина, дворянской чести (как явления не только сословного, но и общечеловеческого). В свою очередь, знакомые слова «император» и «отечество», ранее составлявшие для дворян неразрывное целое, начинают как бы двоиться, а для авангарда первого сословия вообще распадаются на два самостоятельных понятия. Недаром позже, на следствии по делу декабристов многие из них уверенно заявляли, что присягали Отечеству, а не государю, что явилось для Николая I весьма неприятным сюрпризом.

Честь дворянина для прогрессистов александровского царствования – это, прежде всего, гарантия независимости мысли и действий; долг гражданина – честное служение стране и народу, а не отдельному лицу. Эти понятия будто

вырастали одно из другого и, поддерживая друг друга, не давали человеку опуститься до уровня холопа, льстеца, лукавого царедворца. В процесс становления общественных позиций передового дворянства немалую лепту внес и сам Александр I. Император, с одной стороны, постоянно будоражил общественное мнение намеками на реформы, позволял себе резкие вольнодумные пассажи. С другой стороны, Александр Павлович не решился ни на отмену крепостного права, ни на смягчение политического гнета в стране.

Наоборот, с 1821–1822 гг. начался заметный поворот политики Зимнего дворца в сторону консерватизма, чувствовалось, что победа ревнителей традиционных порядков не за горами. Общество вновь оказалось в привычном, но надоевшем ему положении опекаемого властями несмышляныша. Чем более охладевал либеральный пыл императора, тем решительнее, радикальнее становились дворяне, видевшие спасение России в коренной переделке существующего строя. Несколько сотен юношей 1792–1795 гг. рождения образовали в 1815–1816 гг. особый тип русского человека, резко отличавшийся своим поведением от всего, что знала предшествующая история страны. Они-то и повели отчаянную борьбу с защитниками старых обычаев и традиционных устоев. Чего-чего, а недостатка в противниках они не испытывали.

В 1810-х гг. жило еще достаточное число вельмож, вздыхавших о временах «матушки Екатерины» и ее блистатель-

ных «орлов». Как-то Александр I решил отблагодарить А.Л. Нарышкина за праздник, устроенный старым сановником в Петергофе, и прислал ему книгу, в которую были вплетены 100 тысяч рублей. Нарышкин почтительно принял подарок императора и добавил, что присланное сочинение настолько интересно, что желательно было бы получить его продолжение. Монарх, посмеявшись, прислал ему второй том, вновь со 100 тысяч вплетенных в текст рублей, но велел передать, что «издание закончено».

А.И. Анненкову – мать будущего декабриста – в Петербурге называли «королевой Голконды» (из-за собранной ею великолепной коллекции драгоценных камней). В ее столичном особняке жило до полутора ста слуг. При спальне состояли особые горничные, которые должны были сидеть всю ночь на диванах и вполголоса разговаривать – в тишине старухе не спалось. Специальные служанки держались для согревания своим телом платья или кресел барыни. А на кухне круглосуточно сменяли друг друга четырнадцать поваров, хозяйка могла ночью потребовать свежих пирогов.

Персонажи, подобные только что упомянутым, оказывались на достаточно высоких служебных постах и при Александре I. Рассказывали, что обер-полицмейстер Москвы Александр Павлович Шульгин в 1820 г. в служебном раже требовал, чтобы пожарные команды выезжали как минимум за четверть часа до начала пожара. С воцарением Николая I Шульгин, гордившийся тем, что был полным тезкой преды-

дущего императора, потребовал, чтобы теперь его переименовали в Николая Павловича. Под властью подобных чиновников жилось временами весело, но по большей части хотелось, наверное, завывать.

Сотрудник Министерства просвещения М.Л. Магницкий, проводивший ревизию Казанского университета и оскорбленный царившим в нем вольнодумием, предложил наказать это учебное заведение «публичным стен оною разрушением». Правительство, не решившись на столь радикальные меры, нашло более цивилизованный выход, назначив Магницкого попечителем проревизированного им университета. После этого никаких стен разрушать не потребовалось. Две трети профессоров оказались изгнаны из Казани, а лекции стали начинаться и кончаться молитвами, причем каждый преподаватель должен был прежде всего убеждать слушателей в бездоказательности и ненужности той науки, которую он собирался преподавать. За нарушение университетского устава студента отныне во всеуслышание нарекали «грешником», облачали в армяк, лапти и сажали в карцер.

Когда «грешника» выпускали, он исповедовался у священника и должен был карандашом обозначить место на картине Страшного суда, которое ему было бы уготовано в загробной жизни, если бы не бдительность и попечение начальства. Чем-то средневековым веяло и от торжественной церемонии захоронения экспонатов и учебных пособий анатомического театра, устроенной по приказу неугомонного

Магницкого. В ней участвовали все профессора, лаборанты и студенты медицинского факультета. Впрочем, начиная с 1817–1818 гг. подобным образом дела обстояли не только в Казанском университете, да и вообще не только с просвещением.

В борьбе с защитниками мракобесия будущие декабристы далеко не сразу стали приверженцами революционных действий. Дворянский авангард, в который они входили, никогда не был монолитным. Прежде всего, он состоял из так называемых свобододолюбцев, хотя и настроенных более или менее радикально, но иногда проявлявших свою оппозиционность самым экзотическим образом. Это и понятно, ведь индивидуальное возмущение достаточно ограничено в своем выражении и зачастую напоминает, скорее, человеческие слабости и чудачества.

Именно поэтому до поры до времени дворянский авангард проявлял себя в нарочитом молодечестве, «гусарстве», нарушении общепринятых норм поведения. В качестве примера такого поведения поэт и ближайший друг А.С. Пушкина и многих декабристов П.А. Вяземский приводил лихачество неких братьев С. В 1806 г., находясь на военной службе, они попали в один из губернских городов, где накануне дня рождения императора то ли выпили, то ли скупили все шампанское как в самом городе, так и в его окрестностях. Тем самым братья поставили в неловкое положение губернское начальство, которому пришлось испрашивать «сверху»

специальное разрешение пить здоровье государя не шампанским, как диктовала традиция, а малагою. Конфуз!

Немногим от «подвига» братьев С. отличались коленца, выделяемые, скажем, М.С. Луниным. То он с товарищами за ночь поменял местами вывески на Невском проспекте, то на пари проскакал по улице нагишом. Снимая квартиру с С.М. Волконским, они держали у себя двух медведей и девять собак, наводя ужас на соседей и квартальных надзирателей. Стоило генералу Депрерадовичу рывкнуть при разборе учений: «Штабс-ротмистр Лунин, вы спите?» – как тут же последовал ответ: «Виноват, ваше превосходительство, я спал и видел во сне, что вы бредите».

Замечательный знаток александровской эпохи Ю.М. Лотман давно заметил, что никогда в России не было столько дуэльных историй, как в 1810-х гг. В них участвовали и записные дуэлянты (так называемые бретеры), и люди, не склонные к крайним мерам, в том числе и многие будущие декабристы. Для одних дуэль была очередным проявлением молодечества, «гусарства», для других – вынужденным способом защиты своей чести и достоинства. Необходимо при этом заметить, что эпидемия дуэлей 1810-х гг. являлась протестом против попыток правительства присвоить себе право вмешиваться в частную жизнь дворянина, запретить ему распоряжаться своей судьбой. Посредством дуэли человек защищал свое с таким трудом обретенное «я», отстаивал ценности равенства внутри сословия (перед барьером дворяне рав-

ны), выражал собственное отношение к всепроникающему контролю власти, ее деспотизму во всех областях жизни россиян.

После войны 1812 г. и заграничных походов многое начинает меняться внутри дворянского авангарда; его радикальное крыло все более обособляется и, пропитываясь революционными идеями, становится заметным общественно-политическим событием. Как известно, История считается полем проявления не только различных закономерностей, но и, в значительной степени, результатом деятельности людей. Поэтому есть смысл уточнить, что из себя представлял тип дворянского революционера, чем он отличался от свободолюбца.

Каждый декабрист, безусловно, боролся за свободу народа и свою личную независимость, и в этом смысле являлся свободолюбцем. Но далеко не все свободолюбцы автоматически становились декабристами. И те и другие отстаивали свое право на свободную мысль, не подверженную мелочному контролю, на частную жизнь, выстроенную в соответствии с собственными понятиями и представлениями. Но все же именно декабризм явился верхним этажом общего здания дворянского авангарда. В чем это ощущалось? Денис Давыдов и Лунин, Вяземский и Батеньков, генералы Ермолов и Орлов – не правда ли, все это близкие по взглядам, но отличные по политическим позициям люди; не похожие по готовности бороться до конца, ради отстаивания этих взгля-

дов, выказывающие не одинаковую потребность заявить публично то, что считали нужным. И те и другие были готовы идти до некоего предела, вот только предел этот им виделся слишком по-разному.

Первое отличие, которое бросается в глаза, – исключительная общественная активность декабристов, их желание проповедовать, просвещать, ораторствовать в любой аудитории. Конечно, Ермолова или Давыдова тоже трудно назвать молчунами, но они «ворчали», то есть критиковали власть с позиций умеренного Просветительства и традиционной для дворян конца XVIII в. тяги к независимости суждений и действий. Декабристы же, поддерживая тайные планы реформ, обсуждавшиеся в Зимнем дворце, пропагандировали свои убеждения с суровой последовательностью и редким пылом. Подчеркнутая серьезность, прямота суждений, склонность к ораторству и учительству стали нормой поведения, родовыми чертами дворянских революционеров.

Для декабристов, как и для всех свободолюбцев, было характерно обостренное чувство собственного достоинства. Однако первые более последовательно отстаивали новое понимание чести дворянина и долга гражданина. Недаром в их разговорах, письмах, литературных произведениях постоянно упоминаются подвиги высоконравственных героев Древнего Рима и эпизоды защиты республиканского строя Великого Новгорода – символа древнерусской свободы. Может показаться, что дворянские революционеры постоянно чита-

ли скучные проповеди, а от их поведения веяло театральными подмостками, ложным классицизмом или проходившим ему на смену доморощенным романтизмом.

Впрочем, почему доморощенного? Декабристы, представлявшие, по словам Ю.М. Лотмана, «особый тип русского человека», были если не детьми, то, во всяком случае, любимыми воспитанниками романтизма. Романтизм же как художественный стиль, а в еще большей степени как образ жизни далеко не прост, прежде всего потому, что деятельно героичен и разочарованно циничен одновременно. Человек дворянского авангарда, строивший свою жизнь в соответствии с требованиями этого стиля, мог следовать за позитивной его составляющей и посвятить себя борьбе с несправедливостью, отсталостью существующих порядков и правил как в частной, так и в общественной жизни.

Мог молодой (обязательно молодой! Из осужденных по делу 14 декабря только двенадцать человек имели 34 года от роду, значительному большинству осужденных не исполнилось и 30 лет) романтик пойти и по другому пути. На нем его поджидали старость души, недовольство всем и вся, презрительное безразличие к окружающей жизни с ее радостями и огорчениями. Так называемые «лишние люди» среди российских романтиков уже встречались, а вот времена Арбенина (из лермонтовского «Маскарада»), убивающему жену только потому, что она – ангел и не должна быть отравлена ядом окружающей ее духовной пустоты света, в первой чет-

верти XIX в. еще не настали. Среди передового дворянства царствовала героика истории и современности (наполеоновские войны!), рождавшие неутолимую жажду действовать на благо Отечества.

Именно героическая и деятельная сторона романтизма приводила к страстной влюбленности прогрессистов в те идеалы и представления, которые казались достойными поддержки, с точки зрения передовой дворянской молодежи. Проникшись этой любовью, преклоняясь перед новыми идеалами и приняв их в качестве жизненных ориентиров, романтик в полной мере ощущал ценность собственной личности, поскольку она естественным образом сочеталась для него с чувством ответственности за судьбу страны. Поэтому он считал себя защитником идей независимости и свободы как политического идеала всех сограждан. Таким образом, по наблюдениям исследователей, чувство собственного достоинства и правила чести становились для прогрессистов понятиями действительно важнейшими. Причем это мироощущение оказалось для его носителей весьма суровым – романтизм воспринимался как игра по определенным правилам, и если за проигрыш надо было платить даже самую высокую цену, то платили, не торгуясь, по всем счетам.

В.О. Ключевский со свойственной ему точностью подметил: «...этот тип (прогрессиста. – Л.Л.) ...стоит перед нами в неутомимой и говорливой, вечно негодующей и непобедимо бодрой, но при этом неустанно мыслящей фигуре Чац-

кого». Тут все прямо в точку, особенно «мыслящий», «говорливый» и «бодрый». Следует лишь отметить, что говорливость являлась для прогрессистов формой, пусть и своеобразной, их оппозиции, т. е. все-таки действия. Причем эта разговорчивость носила нарочито резкий, прямой характер, казавшийся, с общепринятой точки зрения, не совсем приличным, а то и опасным. Однако в «своем» кругу именно такое поведение считалось «спартанским» или «римским», т. е. соответствующим передовым взглядам. Иными словами, романтизм, с одной стороны, раскрепощал личность, позволял ей думать, чувствовать и действовать достаточно свободно. С другой – оказывалось, что речь у романтиков шла не столько о живом, реальном человеке, сколько об идеальном образе, из жестких границ которого прогрессисты не имели права выходить. Подобное мироощущение позволяло не интересоваться сословной или бюрократической иерархичностью. Единственно важной делалась оценка людских поступков с точки зрения гражданственности и морали.

Подобное поведение неизбежно отдавало театральщиной. Не будем, однако, забывать, что, во-первых, игра масок вообще была характерна для людей первой четверти XIX в. Во-вторых, местом выступления прогрессистов была все-таки не сцена, а гражданская трибуна, и в-третьих, по принятым романтиками понятиям, они рассчитывали не столько на реакцию увязших в скучной повседневности современников, сколько на суд потомков, т. е. истории, и ничуть не меньше.

Насаждая культ дружбы, даже экзальтированного братства, прогрессисты не умели жить в состоянии душевной раздвоенности, когда со «своими» человек был совершенно открыт, а с «чужими» заковывался в броню светских приличий. Иными словами, как писал Ю.М. Лотман: «Для того, чтобы понять декабризм, необходимо вновь превратить формулы в поведение, увидеть жест, услышать интонацию. Слова сохранились – исчезла атмосфера. Но смысл слов будет нам до конца ясен лишь в том случае, если возродить атмосферу».

С точки зрения человека начала XXI в. все это очень сложно, да и нужно ли вникать в игру актеров-романтиков? Но давайте вспомним, как часто кажутся смешными, несовременными или ультрасовременными для умудренных и отягощенных собственным опытом взрослых молодые люди любой эпохи. Их позы и маски – это и эпатаж «правильных» старших, и протест против устоявшейся скучной обыденности, и поиск своего места, своей модели поведения в сложном и несовершенном мире. В общем, если говорить коротко – все это необходимые муки самоопределения нового поколения граждан. Потом позы и маски забываются, и из странной, многократно критиковавшейся молодежи вырастают интересные государственные и общественные деятели, звезды искусства, науки, литературы. Оказывается, что поиски юности – вещь необходимая, но отнюдь не единственно определяющая суть выросшего, взрослого человека.

Декабризм же был молодостью российского общественно-го движения, той порой, когда особенно важно и суровое отрицание опыта старших, и заграничные веяния, и не поддающаяся рациональному объяснению мода, влекущая глубина мысли, и вызывающая позже смех, но такая своя, такая дорогая сию минуту поза. Что же касается черт характера дворянских революционеров, то их как раз отличала редкая простота в общении, готовность прийти на помощь нуждающимся в ней, вызывающая скромность в быту – все это и называется настоящим, а не показным демократизмом.

Кстати, это признавали и их идейные оппоненты, многие из которых были связаны с декабристами родственными и приятельскими узами. До поры столь удивительные для нас узы и связи, такая разница во взглядах близких людей никому не мешали и не казались странными. Наоборот, они придавали некую остроту и, если хотите, пикантность российской общественной жизни.

В человеческой истории довольно часто важные явления и события начинаются с вещей внешне незначительных, а то и вовсе малозаметных. Одним из первых симптомов общественного пробуждения в России стало изменение форм приятельских отношений. Возникавшие в начале XIX в. кружки, салоны, артели, литературные общества (в первую очередь «Арзамас») противопоставляли себя сословно-феодалному неравенству, чиновной иерархии, приучали своих членов и участников заседаний к новому типу отноше-

ний между людьми. За отсутствием свободных журнальных, университетских, адвокатских и иных кафедр, эти кружки и общества являлись, безусловно, и общественно значимым явлением. Дело заключалось в том, что благодаря им рождалась и крепла чуждая традиционному мышлению идея о том, что личные привязанности и симпатии людей выше, важнее родovitости и служебного положения приятелей и знакомых.

Иными словами, все сказанное подчеркивает весьма значимую для нашего разговора идею: декабризм являлся образом жизни настолько же, насколько и образом мысли. Его представителю было трудно, если не невозможно, переделать себя, подстроиться под господствующие порядки, манеру поведения. Те из декабристов, кто побывал в сибирской ссылке, и те, кто выжил в ней, так и не сумели приспособиться ни к России Николая I, ни к более свободной России Александра II. И та и другая казались им слишком официальными, тесными, не отвечающими их идеалу.

Что же касается образа мыслей декабристов, то, хотя основная речь о нем впереди, сделаем небольшое уточнение. В научной и учебной литературе до сих пор употребляется удачный термин В.И. Ленина «дворянская революционность», «дворянские революционеры». К сожалению, четкой расшифровки этого термина в работах историков не содержится, что зачастую приводит к невнятице спора и путанице понятий. На наш взгляд, дворянская революционность –

это оппозиционная абсолютизму идеология и практика последних лет XVIII – начала XIX в., в которых революционные и либеральные идеи и действия оставались тесно переплетенными. Причиной такого переплетения являлось то, что дворянская революционность базировалась на философии французских просветителей, которая, в силу своего характера и ориентации, с успехом использовалась и просвещенными монархами, и передовой частью общества. Кроме того, отрицая абсолютизм, революционеры первой четверти XIX в. признавали за троном реальную государствообразующую силу, а при определенном стечении обстоятельств и силу реформаторскую. Декабристы предложили или применили на практике различные методы политической борьбы: от дворцового переворота до пропаганды своих идей в обществе и военной революции.

Зарождение в России дворянской революционности знаменовало собой усиление принципиальных отличий «внуков» начала XIX в. от их «дедов» и некоторых «отцов» предыдущего столетия. Отчетливое понимание передовой молодежью своего предназначения, смутные видения картин светлого будущего, нежелание мириться с действительностью, оскорблявшей чувства просвещенного человека, привели к созданию в России объединений, которые в научной литературе принято называть преддекабристскими и первыми декабристскими организациями. Однако прежде чем проанализировать их состав, программные документы, дея-

тельность, давайте поближе познакомимся с некоторыми из наших будущих героев.

Эскизы к портретам

Николай Иванович Тургенев

Становление Николая Ивановича как общественного деятеля началось, скорее всего, в годы его учебы в Германии. Мало того что знаменитый Геттингенский университет (помните Владимира Ленского из «Евгения Онегина»?) был в то время признанным рассадником просвещения, романтизма и гуманизма, так еще и время оказалось весьма тревожным и многообещающим. Тургенев попал в Германию в 1808–1811 гг., в период расцвета деятельности Тугенбунда – общества, боровшегося не только против французских захватчиков, но и за освобождение крестьян от власти помещиков. Огромное значение для Тургенева имела работа в качестве российского комиссара-наблюдателя в Пруссии в 1813–1816 гг. Восстановление национальной государственности, подготовка и принятие новых законов, острые политические дискуссии – все это разворачивалось пусть и на чужбине, зато перед его глазами и давало богатую пищу для размышлений.

Короче говоря, Николай Иванович вернулся в 1816 г. до-

мой, переполненный самыми высокими патриотическими чувствами, достаточно отчетливо сознавая, что именно надо менять на родине. В Петербурге он с радостью убедился, что далеко не одинок в своих устремлениях. «Гвардейские офицеры, – записывает Тургенев, – в особенности обращали на себя внимание свободой и смелостью, с которой они высказывали свои мнения, мало заботясь о том, где они говорили, – в общественном месте или в частном доме, были те, с кем они говорили, приверженцы или противники их мнений». Сам Тургенев оказался тем человеком, который немало способствовал образованию и становлению офицерских кружков и артелей, организуя для их членов лекции по политическим наукам и составляя списки книг для самообразования.

Работа в Германии, упорные слухи о скорых преобразованиях в России заставили Николая Ивановича закончить начатое еще в Геттингене сочинение под названием «Опыт теории налогов». Не будем пугаться академического названия и политэкономической сути книги. Ни первое, ни второе отнюдь не отталкивали любознательного читателя начала XIX в. Может быть, это происходило потому, что в те годы ученые еще не научились писать свои трактаты языком, доступным пониманию лишь их немногочисленных коллег.

О чем же рассказывал Тургенев в названном произведении? Политическая экономия была для него наукой, которая, прежде всего, приучала людей ненавидеть всякое наси-

лие и в особенности «методы делать людей счастливыми вопреки их желанию». «Все благое, – писал наш герой, – основывается на свободе, а злое происходит оттого, что некоторые... берут на себя дерзкую обязанность за других смотреть, думать, за других действовать и прилагать о них самое мелочное и всегда тщетное попечение».

Однако предоставление самостоятельности регионам и отдельным гражданам еще не гарантирует процветания страны в целом. Не менее важно справедливое распределение налогов между различными слоями населения. Что означает, с точки зрения Тургенева, справедливость налоговой политики? Прежде всего – «отклонение тяжести налогов от простого народа». Николай Иванович довольно ехидно напоминал дворянству: «Древние римляне поставляли себе за честь платить тем более, чем знатнее они были; знатные люди нового времени... находят честь свою совсем в противоположном».

Но не эти слова вызвали гнев подавляющего большинства завсегдатаев великосветских салонов. Их шокировали необычайно резкие и научно аргументированные нападки Тургенева на крепостное право. По мнению автора «Опыта теории налогов», благоустроенное государство не может быть создано на несправедливости. Более того, угнетение одного класса граждан другим ведет страну к неминуемой катастрофе. После выхода книги Екатерину Александровну Тургеневу в обществе издевательски-сожалеюще называли

«матерью бунтовщика», а самого Николая Ивановича постоянно спрашивали, почему он, имея такие гуманные взгляды, у себя в имении не решился ни на что большее, чем перевод крестьян на оброк? На самом деле ответ был достаточно прост – имение составляло собственность всего семейства Тургеневых, а не одного Николая Ивановича. Екатерина же Александровна, и без того напуганная скандальной известностью сына, категорически отказывалась освободить своих крестьян.

Как бы то ни было, «Опыт теории налогов», написанный легким, изящным слогом, нашел своего читателя. В 1819 г. потребовалось переиздание книги. С этого момента борьба с крепостничеством захватывает Николая Ивановича целиком. В том же 1819 г. он пишет графу Милорадовичу записку о крепостном праве в России. Через адъютанта графа, своего приятеля Ф. Глинку, Тургенев узнал, что Милорадович хочет представить такое сочинение императору, и решил воспользоваться удобным случаем. Однако в те годы Николай Иванович уже не был одиночкой, пытавшимся действовать исключительно через сильных мира сего. Еще в 1815 г. он вместе с братьями и М.Ф. Орловым обсуждает вопрос о необходимости создания тайного общества. Речь шла об «Ордене русских рыцарей», который, по словам его активнейшего члена М.И. Дмитриева-Мамонова, должен был: «Греметь против тирании, греметь против злоупотреблений... взывать к потомству, к теням Шуйских и Пожар-

ских об установлении закона спасения нации».

Чуть позже Тургенев, вступив в «Арзамас», безуспешно пытался начать издание журнала этого литературного общества. Не оставлял он идею о создании журнала и присоединившись к Союзу благоденствия. Николай Иванович успел даже определить круг авторов для будущего издания. Во всяком случае, доносчик А. Грибовский сообщал властям: «Тургенев, дававший главное направление (издания. – Л.Л.), брался с профессором Кунициным издавать журнал по самой дешевой цене для большего расхода (распространения. – Л.Л.), полагая издержки за счет общества относящиеся».

В 1820 г. Николай Иванович пытался связаться с представителями оппозиционной аристократии, чтобы с их помощью решить часть задач, стоявших перед Союзом благоденствия. Тургенев не только активно боролся за распространение прогрессивных идей в обществе, он отличался в Союзе благоденствия, а позже и в Северном обществе той непримиримостью к компромиссам, которая и помогает, и, порой, мешает революционным деятелям достигнуть своей цели. Во всяком случае, Николай Иванович и слышать не хотел о частичном сохранении крепостного права в России. Вопрос уничтожения рабства для него был гораздо важнее споров о форме политического правления в послереволюционной стране. Наверное, именно с Тургенева начинается многолетняя дискуссия о приоритете политических или социальных

вопросов в ходе революционных преобразований, имевшая огромное значение для российского общественного движения.

С 1823 г. Николай Иванович стал чувствовать недомога-ние и проситься за границу для лечения. Заодно он мечтал лучше ознакомиться с английской судебной системой и подумать о применении ее в России. Александр I, не желая расставаться с талантливым чиновником и считая, что все дело в недостаточном жаловании, передал через Аракчеева, что Тургенев может просить о денежной прибавке, но должен оставаться в России. Однако в 1824 г. здоровье Николая Ивановича настолько ухудшилось, что его отпустили на воды в Карлсбад. Уезжал он на несколько месяцев, а остался за границей на 33 года.

После восстания 14 декабря правительство пыталось вызвать его из-за границы, чтобы осудить, как одного из важнейших «государственных преступников». Однако Тургенев, не надеявшийся на гласный и справедливый суд, вернуться отказался. На приговор, вынесенный товарищам, он откликнулся замечательной книгой «Россия и русские», в которой не только объяснил побудительные мотивы движения декабристов, но и изложил программу обширных реформ, необходимых для оздоровления жизни России, ее полноправного вхождения в семью европейских народов.

Михаил Александрович Фонвизин

Иногда обстоятельства складываются таким образом, что историки не сразу могут исправить несправедливость, допущенную судьбой по отношению к тому или иному человеку. В полной мере это относится к Михаилу Александровичу Фонвизину, чья истинная роль в движении декабристов и российском общественном движении начала выясняться относительно недавно. Даже с источниками ему не повезло: не считая формулярного списка, мы узнаем о жизни Михаила Александровича до 1825 г. лишь из «Записок» его ближайшего друга И.Д. Якушкина.

Племянник знаменитого драматурга Д.И. Фонвизина, Михаил Александрович получил прекрасное образование, а вместе с ним стремление и любовь к свободе и справедливости. «Свободный образ мысли, – показывал он на следствии, – получил не от сообщества с кем-либо, но когда мне было 17 лет, из прилежного чтения Монтескье, Рейналя и Руссо, также древней и новейшей истории, изучением которой занимался с особой охотой».

В боевых действиях Фонвизин начал участвовать задолго до 1812 г., а в Отечественную войну вступил адъютантом А.П. Ермолова. Войну он провел в арьергарде при отступлении русской армии, прикрывая ее тылы, и в авангарде, когда она наступала, то есть всегда одним из первых встречался с

противником.

Был эпизод, когда Михаил Александрович прискакал в село Марьино Московской губернии, чтобы предупредить родных о приближении французов. Из имения он выбирался уже на глазах французского авангарда, переодевшись в крестьянскую одежду. Позже он еще успел перехватить бригаду русских войск, в неведении двигавшуюся к столице, уже занятой противником.

Из Тарутинского лагеря Кутузов послал Фонвизина с казачьим отрядом партизанить в тылу французов. Ко времени сражения под Малоярославцем Михаил Александрович вновь успел присоединиться к Ермолову, на долю которого выпала задача взять город. Малоярославец шесть раз переходил из рук в руки, и в первых шеренгах сражавшихся неизменно оказывался Фонвизин.

Позже он прошел с армией всю Европу, в битве при Кульме под ним было убито пять лошадей, но присутствовать при капитуляции Парижа ему не довелось. В сражении под одним из бретонских городков Михаил Александрович, раненный пулей в шею, попал в плен. Оправившись от ранения, Фонвизин организовал военнопленных и захватил сначала арсенал, а потом и весь городок. Такое «самоуправство» весьма не понравилось Александру I, что на время задержало производство Фонвизина в генералы. Так или иначе, он к 27 годам стал полковником, и перед ним открылась неплохая карьера.

Но странный полковник не захотел, по его словам, удовольствоваться «пошлою полковою жизнью... и подробностями строевой службы... угождая врожденной склонности Александра и братьев к фрунтomanии». Двукратное пребывание за границей открыло Фонвизину мир таких политических идей, о которых он, по его словам, «прежде не слышал». Зато он хорошо знал о других вещах, распространяя среди друзей «Рассуждение» дяди, Дениса Ивановича, где доказывалась протиестественность и безнравственность самодержавия и необходимость твердых законов.

Контраст между крепостнической Россией и Европой, между возможностями страны и ее далеким от этих возможностей реальным положением стал настолько невыносимым, что Михаил Александрович всерьез задумался об организации тайного общества или участии в затеях уже существовавших заговорщиков. В 1816 г. Якушкин принял его в Союз спасения, причем сделал это по настоятельной просьбе самого Фонвизина.

В тайное общество Михаил Александрович вступил зрелым человеком, героем войны 1812 г., командующим полком, личностью с устоявшимися взглядами на задачи и методы действий тайных обществ. Уже в 1817 г. Фонвизин работал над уставом Союза спасения. Он первым опомнился, услышав отчаянное предложение Якушкина о цареубийстве, и попытался отговорить его, ссылаясь на то, что ограничение абсолютизма не требует таких варварских мер. В конце кон-

цов, все согласились с доводами Фонвизина, хотя, как будет сказано ниже, дело оказалось не только в них.

Еще более возросла его роль в Союзе благоденствия. Это общество полностью отвечало тогдашним мыслям и планам Михаила Александровича. Недаром в списке членов Коренного совета Союза благоденствия, составленном на следствии, его имя значится первым. Именно с этим тайным обществом связан расцвет его политической деятельности. В 37-м и 38-м егерских полках, где он служил, запрещается употребление палок, открываются ланкастерские школы для солдат. В 1819 г. Фонвизин создает в Москве тайное общество, видимо, один из филиалов Союза благоденствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.